А.Л.Мугумова
Дагестанский государственный педагогический университет

К сравнительному историко-социолингвистическому изучению лексики местных тюркских и вайнахских языков в русских терских говорах

тюркские и вайнахские языки, терские русские говоры

В отношении терских (гребенских) казаков, первых русских поселенцев, занявших еще в XVI в. междуречье Терека и нижней Сунжи, обычно полагают, что возникновение их поселений в данном регионе происходило на границах проживания носителей вайнахских языков, под которыми понимаются чеченцы и ингуши. Эта точка зрения чрезвычайно распространена и носит хрестоматийный характер.

Однако на сегодняшний день установлено, что в терских говорах русского языка наличествуют в подавляющем большинстве лексические усвоения из ареально смежных им тюркских (кумыкского и ногайского) языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. Они вошли в них главным образом в XVI–XVII вв., отразившись и в письменных русских источниках различного характера, по преимуществу местных [Гусейнов 2010:172-173].

Причина заключается в том, что чеченцы, ныне территориально смежные с носителями терских русских говоров, только с конца XVI – первой половины XVII вв. расселяются в предгорьях. И, как указывал в 1872 г. первый чеченский этнограф У.Лаудаев [1872: 4], они «прежде жили в горах и только в начале прошлого столетия [т.е. XVIII века] появились на плоскости».

Тогда же, в начале XVIII века и позднее, в непосредственной ареальной смежности с терскими казаками по р. Терек находились кумыки и ногайцы, проживавшие по обоим берегам этой реки. Об этом говорит и историческая топонимика данного региона, в частности, междуречья Терека и нижней Сунжи, в которой представлены тюркские [Мугумова 2015: 62-64].

В устном общении народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским (казачьим) населением края использовались «татарские» кумыкский и ногайский языки, а в письменной коммуникации т. н. язык «тюрки». Это обусловило менее интенсивное обратное лексическое влияние русских терских говоров на кумыкский и ногайский языки [см. Гусейнов 2010: 127-129, 163, 166, 173]. Практически минимальным оно было в чеченском и ингушском языках. Лишь в первом из них обнаруживается одна русская терская диалектная форма *ванда* ‘вентерь’, которая была усвоена через посредство местного терского (брагунского) кумыкского диалекта [см. Гусейнов 2010: 165].

Показательно в указанном выше отношении, что еще в эпоху Кавказской войны в повести «Казаки» Л.Н.Толстого «молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски». Как следствие еще в 1902 г. М.А.Караулов [1902: 46-47], зафиксировал в речи гребенских (нижнетерских) казаков местные тюркские обороты речи, которые еще бытовали у них в первой половине XX века [Бенская 1955: 244]. В нижнетерских русских говорах ДАССР и ЧИАССР наличествует соответственно 42 и 44 лексических усвоения из тюркских языков Северного Кавказа – кумыкского и ногайского [Селимов 1966:10; Апрышко, Гусейнов 1978].

Влияние тюркских языков было настолько интенсивным, что еще в начале XX в. В.П.Пожидаев [1915: 162] отметил внесение в тексты такой консервативной области русского фольклора терских и гребенских казаков, как «старины» (былевой эпос), 4-5 «ногайско-татарских» слов при том, что древнейшие домонгольского периода былины сохранялись только на Русском Севере. Так, в русской былине об Илье Муромце, за-

писанной в 1945г. в станице Старый Щедрин, даже оказался припев, заимствованный сказителем из кумыкской песенной культуры [Агаджанов 1968:120].

Однако уже в конце XIX века современники отмечали, что у гребенских казаков, «можно услышать русские фразы с примесью кумыкских слов» [Ржевуский 1886: 258]. Данный факт говорит о начале утраты двуязычия с местными тюркским языками, их вытеснении русским языком из сферы межэтнического общения. Примерно тогда же, в 1893 г., Л.Г.Лопатинский [1893: 60] обратил внимание на то, что кумыкский язык еще «служит языком международных сношений, хотя в последнее время русский язык начинает замещать его в этой роли, проникая все дальше в горные ущелья Кавказа».

Соответственно, уже с начала XX века речь как гребенских, так более поздних поселенцев среднетерских (наурских) казаков стала приобретать «макаронический» характер. В ней, как отметил П. Востриков [1904: 199], «встречаются слова и чеченские, и татарские [местные тюркские], и калмыцкие, и осетинские» «и даже исковерканные французские». Приведенный П.Востриковым образец речи наурцев историк гребенского казачества В.П.Пожидаев [1915: 91] считает характерным и для гребенского казачества, отмечая при этом: «Вот приблизительно речь гребенского казачества. Наряду с основным великорусским языком вы здесь найдете и слова горских инородцев...».

Подобный характер речи гребенцов, у которых знание тюркских языков было наиболее распространенным [Апрышко 1978], свидетельствует об интенсивном разрушении у них русско-тюркского двуязычия в период после окончания Кавказской войны, когда оно было особенно сильно распространено.

С другой стороны, влияние местных тюркских языков на те терские говоры, носители которых поселились не в XVI–XVII вв., как гребенские казаки, но позднее, оказалось гораздо менее интенсивным. Так, в конце XIX века в речи казаков ст. Бороздиновской, основанной в первой половине XVIII века донскими казаками, отмечается бытование таких слов, как *плово* ‘рис с рыбой’ (ср. *пилав* в повести Л.Н.Толстого «Казаки» (1863 г.), широко употребительное в русской литературе XIX века [Нац.корпус//www.ruscorpora.ru]), а также неизвестные другим русским говорам лексемы *финкалы* ‘вареное тесто, нарезанное квадратиками, с приправой и толченым чесноком’ (ср. кум. *хинкал* то же), *душап* ‘сгущеный виноградный сок’, *куерма* ‘жареная баранина с большим количеством подливки’ [Бутова 1889: 8-9]. Последнее слово могло быть усвоено из кум. *къувурма* ‘мясной суп с картошкой и зеленью’, так как в «Словаре русских народных говоров» [1980: 16; 18] оно отмечено как терское.

Аналогично обращает на себя внимание невосприимчивость к влиянию собственно северокавказских языков тех русских говоров, носители которых поселились в регионе с более позднего времени (с 40-60-х гг. XIX в.). Так, в русские говоры предгорной полосы Кубани Краснодарского и Ставропольского краев «из языка аборигенов (кроме черкесов и адыгейцев, в непосредственный контакт со станичниками входили также некоторые тюркоязычные горцы)... проникло менее десятка слов, не вошедших, однако, в основной словарный состав диалекта» [Шабалин 1952: 119]. Причем при ближайшем рассмотрении они оказались восприняты, по преимуществу, также из тюркских языков [см.: Шабалин 1952: 241; Бондарко 1939: 123].

Надо полагать, что тот же фактор, долговременное отсутствие непосредственного территориального контакта и функционирование в регионе кумыкского и отчасти ногайского языков в качестве основного средства межнациональной коммуникации вплоть до окончания Кавказской войны обусловило, как уже было отмечено, и ограниченность взаимовлияние русских терских говоров и вайнахских (чеченского и ингушского) языков. Так, П.А.Востриковым [1904: 78, 91] лишь в начале XX века были отмечены единичные (бытового характера) лексические факты (вкрапления) влияния чеченского языка на речевом уровне терских говоров (*дэкин-ду* ‘нету’ (точнее, ‘хорошо’), *дац* ‘нет’,

цыцкаль ‘чурек из кукурузной муки’), которые в последующее время остались неизвестными. В дальнейшем и советские исследователи указывали на столь же немногочисленные явления аналогичного порядка; ср.: «Терские казаки переняли у чеченцев ингушей ряд национальных блюд: *датыкадор* – смесь творога с топленым маслом, пресный хлеб-*пасту* – лепешки с начинкой из сыра или овощей и другое» [Гриценко 1969: 37]. В последнем случае, точнее, гребенское *паста* ‘густо сваренная пшенная каша, которую режут кусками и подают вместо хлеба к вареной рыбе’ [Караулов 1902: 86], и слово на самом деле является адыгским по происхождению.

Литература

Агаджанов Ю.Г. К вопросу об исторических связях терского фольклора / Ю.Г.Агаджанов // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. – Грозный, 1968. Т.5. Вып.3. Литературоведение. – С.108-124.

Апрышко А.С., Гусейнов Г.-Р.А.-К. К вопросу о тюркских заимствованиях в нижнетерских и прикаспийских русских говорах / А.С.Апрышко, Г.-Р.А.-К.Гусейнов // Вопросы отраслевой лексики. – Грозный, 1978. – С.49-56.

Бенская Э.Я. Говор станицы Старый Щедрин Грозненской области. Фонетическая система и морфологический строй: автореф. дис.... канд. филол. наук / Э.Я.Бенская. – Л., 1955.

Бондарко Е.А. Говор станицы Григолиполисской Ново-Александровского района Орджоникидзевского края / Е.А.Бондарко // Труды Ворошиловградского государственного пединститута. – Пятигорск, 1939. – С.104-127.

Бутова Е. Станица Бороздинская Терской области Кизлярского округа / Е.Бутова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1889. – Вып.7. – С.3-156.

Востриков П.А. Станица Наурская Терской области / П.А.Востриков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1904. – Вып.33. – С.102-309.

Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга / Н.П.Гриценко // Археолого-этнографический сборник. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. Т.III. – С.25-48.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком / Г.-Р.А.-К.Гусейнов. – Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2010.– 214 с.

Караулов М.А. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков / М.А.Караулов // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб.,1902. – Т.71. – №7. – С.45–80.

Лаудаев У. Чеченское племя / У.Лаудаев // Чечня и чеченцы. – Элиста, 1990. – С. 74–104.

Лопатинский Л.Г. Кое-что о кумыках и об их языке / Л.Г.Лопатинский // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.– Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1893. – Вып.17. – С.47-63.

Мугумова А.Л. Позднесредневековая русская топонимика тюркского происхождения в Нижнем Притеречье (вторая половина XVI в. - XVII в.) / А.Л.Мугумова // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2015. – №3. – С. 62-64.

Национальный корпус русского языка // http.www. ruscorpora.ru

Пожидаев В.П. Старины терских казаков (Былевой эпос) / В.П.Пожидаев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа: Издание Управления Кавказского учебного округа. – Тифлис, 1915. – Вып.44. – С.147-162.

Ржевусский А.А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географически-статистических сведений о Терском казачьем войске / А.А,Ржевусский. – Владикавказ: Типография Областного Правления Терской Области, 1886. – 288 с.

Селимов А.А. Иноязычные (тюркские) элементы в лексике русских говоров Дагестана (на материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР): автореф. дис... канд. филол. наук / А.А.Селимов. – Л., 1966.–21 с.

Словарь русских народных говоров.– Л.: Наука, 1980. – Т.16. – 376 с.

Шабалин М.Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани: канд. дисс. / М.Н.Шабалин. – М., 1952. – 474 с.